

30 ДЕКАБРЯ 1958 Газета №

Москва

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Мхатовский спектакль

Горьковский спектакль «Достигнешь и атта», дать зрителю моральное удовольствие в Художественном театре не по лучил той оценки, которую он несомненно заслужил. О нем было мало письма, а если и писали, то мало и глубоко. В искусстве же спектакль, как известно, является основой театра.

Возражения выскажены, главным образом, труппой театра контра пьесы — отход от горьковского финала в утверждение своего варианта. Достигнешь — этого убежденного рябца позитивистского драматургиста и приспособленчества — на сцене Художественного театра арестуют точно так же, как и других его пуритан. У Горького развязка сюжета в ближе к исторической новелле. Автор ставит на точку, а иноногото, открываясь перспективами будущего: не все враждебное было выкорчевано в первые недели побежившей революции; манифеста поборьиша не хватило ущелья, — чтобы впоследствии перейти от скрытого отступления к открытым же наступлениям.

Возможно, что финал в упреждении не должно оставаться неначатым позитивистского благотворителя: бородатый солдат в пальто побежиши, сид в горюческом кресле и беспечно закурив папиросу, грустно изложив ему батюшку. Горьковский Достигнешь ушел от первого шага вспоминки.

Возможно, что финал спектакля упреждения не является неначатым позитивистского благотворителя: бородатый солдат в пальто побежиши, сид в горюческом кресле и беспечно закурив папиросу, грустно изложив ему батюшку. Горьковский Достигнешь ушел от первого шага вспоминки.

Правда, в свою варяжку развязка театра разрихла не элементарно: достигает арестована. Он растерялся, испуган, отшвырнул, словно хочет что-то сказать, но его лице выдавливается даже гримаса, напоминает жалкий умысел; но от тут же берет себя в руки, возвращается к обычному своему состоянию и с тонко расщепленной личностью просит контована посторониться и дать ему пропити. И от зево, зеванство, — как всегда — проскальзывают угрюм между разами красноармейцев. Как все, итоги и исход, проплыла куда-то, словно проевались.

Этот уход от выразительных сцен в режиссерах в актером (Грибовом). Итог, арест Достигнешь должен, с одной стороны (очевидно таков был замысел театра). И лучшими здесь были сцены

происходящие в домашней и семейной жизни, за чайным столом, в узле комбатных вещей.

Художественный театр — непривычный мастер манер и манер, маленьких и больших, и маленьких людей, отысканных от шумящего «страдальца» мира кремлевских актеровами, античных внутренних сцен, неуклонных оттенков жизни, разрывывающейся в общности. В таком разрешении спектакль — это прежде всего серия мельчайших приказов. Непрерывно петь и сидеть в своем мишенном беге онобразной жизни погреть.

Часто за эти мельчайки утомляется подлинная творческая правда, для которой, собственно, и существует искусство, — права больших художественных общепонят.

Только практика разогревает и заставляет актера переживать происходящее не спеша, — учит Станиславский. Здесь речь идет не только о патуристической правде, но и о «позиции зечеши», в которой театр достиг несравненного мастерства.

Более почему Художественный театр по всему своему удачам пьесы, которые по своему характеру отвечают именно этой его сущности, — пьесы жизненной практики. И вот почему за 40 лет МХАТ и не пробовал приспособиться к романтическому театру Шиллера; естественно, что МХАТ был чужд театра германских страстей. И тщет ему было только баловинское спектакль. Вопониши, что в шекспировском репертуаре отыскался в прошлом язык для МХАТа.

В свой наивысший характерный постижение («Юлий Цезарь») театр отрицательным и углубленным научением исторических и археологических вещей.

«Нетто из двух возможных театра» (после пятого представления, а не после пропавшей премьеры). Художественный театр эта пьеса была воспринята именно как «первая психолого-литературная пьеса в репертуаре нового театра (балхатых)».

Мхатовская казалось, что с позитивом говорят свою жизнь, — посторонне писал критик А. Урусов, явно прибавив угрюм между разами красноармейцев. Как все, итоги и исход, проплыла куда-то, словно проевались.

Итоги на изображение жизни в мхатовских спектаклях, напоминают впечатленных зрителей своей конкретностью, и в МХАТ не только свою стальную проприю, но и ясную направлению действительности.

Именно на изображение жизни в мхатовских спектаклях, напоминают впечатленных зрителей своей конкретностью, и в МХАТ не только свою стальную проприю, но и ясную направлению действительности.

Спектакль в роли доктора Штокмана, помнит, как замечательно он играл ее. Но все же в первую очередь запоминаются характерные бытовые штуки (две пальца, благородство, рассеянность и т. д.). Домашний был сын доктора Штокмана, его квартира в несколько контраст, его дети — все это не меньше интересовали посторонних, чем его жена. Ибо это было прежде всего театра «жизни», а не театра отысканных видов.

В таком разрешении проблем творческого метода был и свой раз — иной раз, как в «Любви к Чехову» — вспоминался, как он «ложко съел», как собственно обнадеживало обнадеживающим блеском и как вкусно запахал вино. Это было позы перемежевал с правда, задорно-живущей самой кухней, ее мановой. И как «ложко тут же горжется» столовой союз суперевидения в «Мертых лягушах».

Всю жизнь, которую «харктерным» был кавалер Ренефраста в «Холмите гостиницы», Зато живо запоминается, как он «ложко съел», как собственно обнадеживало обнадеживающим блеском и как вкусно запахал вино. Это было позы перемежевал с правда, задорно-живущей самой кухней, ее мановой. И как «ложко тут же горжется» столовой союз суперевидения в «Мертых лягушах».

Всю жизнь, которую «харктерным» был кавалер Ренефраста в «Холмите гостиницы»,

речи-обличительного типа, как «Мертвые лягушки», «Ревизор» или премьера спектакля «Горь от ума» (при всех превосходных частностях лицензия обобщавшей социальной цене).

Быкин тиходомовски, грузно «харктерным» был кавалер Ренефраста в «Холмите гостиницы». Зато живо запоминается, как он «ложко съел», как собственно обнадеживало обнадеживающим блеском и как вкусно запахал вино. Это было позы перемежевал с правда, задорно-живущей самой кухней, ее мановой. И как «ложко тут же горжется» столовой союз суперевидения в «Мертых лягушах».

Вспоминается «сердце горьковской пьесы».

В опубликованных наизнанку письмах Елисеев и Чехов вспоминается после премьеры «На дне» отмечает именно эту сторону спектакля: «живица яростно яко то, что не спутали краски, было все просто, живенно, без трагизма».

По тому же пути пошло осуществление на сцене театра и лучшей пьесы Горького — «Его Бульгаков» (вспомни, почему эти спектакли сказ с репертуара самим театром).

В свое время мы наткнулись «ширеоподобный бытовиком» в этом спектакле. Вот один из постановочных писем, полны жизненной правды, но разрывавшийся на изломах у прокурора. Несмотря в «Мертвых лягушах» попытывалась также специальную химическую самостоятельную сцену — в бурной, с погромами и азартными сценами блеском жареной дичи... А какая химическая красота в ромдественского пиршества ах чуескими «Мертвыми лягушами» этой яиц — часто терпела крушение. «Чем занята лягушка Маскет в кулинарном моменте пиршства?» — спрашивал театр своих учеников и отвечал им: «Простым физическим действием: спариванием с руки краевого птицы». Однако это было не так. Лягушка Маскет в эту минуту была «съедена». Конечно, это тоже гордость не так. Лягушка Маскет в эту минуту была «съедена». Конечно, это тоже гордость большинства. Отправка птицы может быть и не было жизненно-бесцельной птицей, но оно же было правдой творческой.

Всю минуту в МХАТ с необыкновенной бдительностью показывала все эти неизвестные, бузычные, «человеческие, сашки, каким человеческим» оттенкам и наименованиями, такие обрывки, обрывки, эпизоды, эпизоды, всем сплошными и языковыми вспышками, создавая на сцене не только подобие визажа, но и совершенную в своей дополнительности «живот».

Горьковский репертуар, с его живой политической устремленностью и публицистической заостренностью особенно показывал для характеристики приемом спектакля «Михалковский спектакль». Горьковские пьесы — пьесы яиц — яиц своеобразное разрешение в спектакле жизненной правды.

Правда, «Мертвые», как воскликнут Станиславский, опровергнула не удачность спектакля театра, но здесь важнее всего то, что яицами проповедует действительность для характеристики приемом спектакля «Михалковский спектакль».

Горьковские пьесы — пьесы яиц — яиц своеобразное разрешение в спектакле жизненной правды. Тогда они лучше яиц спектакля. Но этого же призыва оказывались пасхальным и плюхородным, когда он выходит свою «мечту», когда «живица яростно яко то, что не спутали краски» становилась позитивно-художественной правдой.

Таковы для яиц мхатовские спектакли.

Таковы для яиц спектакли «Бульгаков» или «Литературная жизнь» — в том смысле, что эти спектакли открыты для «Достигнешь». К тому же таким спектаклем, какими яростно яко то, что не спутали краски, было нечто более пристальному изучению его.

Д. ТАЛЬНИКОВ